

УДК 81'42

DOI:

МИФО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ В ПРЕССЕ ВО ВРЕМЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Кузина Ольга Андреевна

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г.
Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена исследованию мифо-идеологических способов конструирования событий в печатных средствах массовой информации во время информационного противоборства. В работе рассматриваются особенности информационного поля периода информационной войны, акцентируется внимание на функции идеологического воздействия как ведущей у массмедиа, определяется идеологема как ключевая единица трансляции идеологии в медиадискурсе и средство создания мифо-идеологической реальности, описывается структура идеологема и сущность составляющих ее конструктов, выделяются мифологичность и оценочность как неотъемлемые черты идеологема. На основе практического материала (статей из интернет-версий ведущих британских и американских периодических изданий) реконструируется идеологема «Окончание боев за Мариуполь», вычленяются слагающие ее конструкты и анализируются лингвистические средства, создающие мифо-идеологическую репрезентацию событий. Автор приходит к выводу, что англоязычной аудитории через средства массовой информации последовательно преподносился мифологизированный образ окончания боев за Мариуполь, кардинально отличающийся от реальности и обладающий противоположной оценкой с целью формирования определенной, идеологически «правильной» картины мира.

Ключевые слова: массмедиа; идеологема; информационная война; мифо-идеологическая репрезентация; Мариуполь

MYTHO-IDEOLOGICAL REPRESENTATION OF EVENTS IN PRESS DURING THE INFORMATION WARFARE

Kuzina Olga Andreevna

Lomonosov Moscow State University Sevastopol Branch (Sevastopol, Russia).

Abstract

The article is devoted to the mytho-ideological ways of constructing events in printed media during the information warfare. The work investigates peculiarities of media sphere in the times of the information war, emphasizes ideological influence function as the leading one in media at the time, defines ideologeme as a unit of rendering ideology in media discourse and a means of creating mytho-ideological reality, describes the structure of an ideologeme and the nature of its constituent parts, points out mythology and evaluation as the main features of an ideologeme. Relying on the practical material (articles from the Internet versions of the leading British and American newspapers) the author reconstructs the ideologeme 'The end of battle for Mariupol, identifies its constituent elements, analyses linguistic means creating mytho-ideological representation of events. The conclusion is drawn that the English-speaking community is systematically presented with the mythologically altered image of the battle for Mariupol, being

drastically different from reality and bearing opposite evaluation with the aim of building ideologically 'correct' image of the world.

Key words: massmedia; ideologeme; information warfare; mytho-ideological representation; Mariupol

Введение

Современный мир существует в условиях информационной войны. Борьба за доминирование в мире с распространением СМИ, а впоследствии Интернет-технологий, переместилась с поля боя в информационное пространство. Один из ведущих исследователей феномена информационной войны Г.Г. Почепцов справедливо отмечает, что сегодня информационное противоборство выступает главным способом борьбы за власть и реализации геополитических интересов государств [Почепцов, 2000]. Победителем становится та сторона, которой удалось создать наиболее убедительную и привлекательную картину мира, распространить ее как можно шире с помощью информационных каналов и заставить поверить в ее правильность наибольшее количество людей. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения способов и средств воздействия на массовое сознание, которое осуществляется в рамках информационной войны. Цель работы состоит в определении основных механизмов создания мифо-идеологической репрезентации событий в прессе и лингвистических способов их реализации.

Литературный обзор

Исследованию феномена информационной войны и техники ее ведения посвящены многочисленные работы отечественных (Г.Г. Поцепцов [Почепцов, 2000], Л.В. Коцюбинская [Коцюбинская, 2020], В.М. Щекотихин [Щекотихин, 2010], Д.О. Кучумов [Кучумов, 2007], И.Н. Панарин [Панарин, 2001], С.П. Расторгуев [Расторгуев, 2003]) и зарубежных исследователей (М.С. Libicki [Libicki, 1995], Т.Р. Rona [Rona, 1976], R. Szafranski [Szafranski, 1995]). А.П. Сковородников определяет информационную войну как «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения» [Сковородников 2017: 13]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что информационная война нацелена как на кратковременное воздействие на аудиторию для формирования определенной оценочной реакции на какое-то конкретное событие, так и на долговременное воздействие, которое заключается в трансформации картины мира, а именно: в изменении оценочного восприятия фрагментов реальности посредством создания схем интерпретации поступающей информации. Во время информационной войны воздействие на массовую аудиторию носит скрытый характер. Реципиенты зачастую не осознают, что им преподносится заранее преломленная под определенным идеологическим углом информация, считают ее достоверной и не подозревают, что их видение ситуации формируется целенаправленно внешними источниками. Г.Г. Почепцов указывает, что цель информационной войны заключается во внесении изменений в когнитивную структуру получателя информации, чтобы вызвать последующие изменения в его поведенческой структуре. Таким образом, поведением человека начинает руководить не действительность, а заранее заданные схемы ее интерпретации [Почепцов 2000: 10].

Основным каналом воздействия на массовую аудиторию являются средства массовой информации, которые благодаря развитию интернет-технологий значительно расширили свое влияние и воздействующий потенциал. Возникнув как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации и тиражирования информации, сегодня они превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание [Володина 2011: 9]. Современный человек получает информацию о каком-то событии в любой точке мира практически мгновенно и в реальном времени может следить за изменениями ситуации. Воздействующий потенциал медиа базируется на идее о том, что если подавать информацию о событии сразу же в определенной оценочной плоскости, а затем многократно повторять заданную интерпретацию, достаточно просто сформировать у аудитории конкретное видение реальности. Таким образом, сегодня событие не существует отдельно от информационного поля, которое создается вокруг него. СМИ больше не предоставляют объективную информацию как раньше, позволяя человеку на ее основе сформировать свое видение мира, а навязывают ему уже готовый образ реальности, поскольку «массмедиа стали инструментом политики и идеологии, а не информации» [Кара-Мурза 2005: 811].

Политико-идеологические взгляды политической элиты транслируются в СМИ в виде системы идеологем [Кузина, 2018]. Под идеологемой в данной работе понимается лингвокогнитивная единица, которая заключает в себе идеологизированное представление о фрагменте окружающего мира, создаваемое средствами языка [Каменева 2007:154]. Когнитивная сторона идеологемы выражается в том, что в сознании реципиента она выстраивает схемы, влияющие на дальнейший процесс восприятия и оценки информации. Языковая сторона идеологемы – это ее вербальная оболочка, т.е. слово или словосочетание, которым она вербализуется, а также языковые средства, создающие ее смысловое наполнение [Кузина, 2019]. Идеологемой может стать событие или человек, образ которого получает противоположную идеологическую оценку в рамках разных идеологических систем.

Идеологема складывается из оценочно-идеологических блоков информации, обладающих содержательной целостностью и оценкой. Данные структурно-содержательные составляющие идеологемы мы будем именовать конструктами. Каждый конструкт представляет собой краткое, емкое оценочное суждение, которое разворачивается в медиадискурсе с помощью разных лингвистических средств со схожим компонентом значения и одинаковой оценкой, и проходит лейтмотивом через ряд публикаций одной тематики, последовательно выстраивая мифо-идеологический образ реальности.

Любая идеологема характеризуется оценочностью и мифичностью. В силу того, что идеология основывается на каких-то политико-идеологических взглядах, в рамках которых одни социально-политические феномены воспринимаются как хорошие, а другие как плохие, идеологема как единица-носитель идеологического смысла транслирует идеологическую оценку той политико-идеологической системы, которая ее создает и наполняет содержанием, и нацелена на убеждение адресата в правильности данной оценки. Мифичность присуща идеологеме ввиду того, что когда событие преподносится аудитории с точки зрения какой-то идеологии, оно в большей или меньшей степени искажается, преломляется под определенным идеологическим углом, чтобы соответствовать «правильной» в рамках данной идеологии картине мира. Нельзя не согласиться с утверждением

Н.И. Клушиной, что «идеологема – это миф, используемый в идеологических целях» [Клушина 2014: 56]. Идеологема является результатом мифо-идеологической обработки информации об окружающей реальности, поданной аудитории посредством тщательно отобранных лингвистических средств.

Методы и материал

Приведем примеры, взятые из интернет-версий британских и американских ведущих периодических изданий (The Washington Post, The New York Times, The Daily Telegraph, The Guardian, The Times), которые традиционно считаются качественной прессой. Для иллюстрации возьмем цитаты из статей, описывающих специальную военную операцию на Украине, а именно: обратимся к описанию в зарубежной прессе момента сдачи в плен остатков украинских подразделений на заводе «Азовсталь». Было проанализировано 9 статей, опубликованных 17–20 мая 2022 года. Для анализа практического материала использовался метод контекстологического анализа, семантический анализ в дефинитивном варианте, лингвокультурный комментарий.

Результаты и обсуждение

В анализируемых публикациях идеологемой будем считать окончание боев за Мариуполь. Данное событие правомерно рассматривать как идеологему, поскольку: 1) повествование о нем велось в полностью противоположном ключе в российской и англоязычной прессе: использовались противоположные номинации для обозначения участников и всего происходящего, давались полярные оценки; 2) как в российских, так и в западных медиаресурсах описание данного события выстраивалось последовательно, целенаправленно, чтобы вписываться в общий политико-идеологический нарратив о военных действиях на Украине.

Анализ новостных статей позволил выделить в составе идеологемы «Окончание боев за Мариуполь» ряд конструктов: «Оставление «Азовстали» – это эвакуация», «Выход украинских военных с завода – результат давления на Россию», «Украинские военные – герои», «Разрушения и жертвы в Мариуполе – последствия действий российской армии». Рассмотрим детально, как выстраивался каждый из конструктов с помощью лингвистических средств в новостных текстах.

1) «Оставление «Азовстали» – это эвакуация»

1.1 *Ukraine ends bloody battle for Mariupol; Azovstal fighters evacuated [Pannet, 2022]*

1.2 *Ukraine has not commented on the evacuation of the soldiers since Tuesday [Sauer, 2022b].*

1.3 *The Russian president, Vladimir Putin, has not publicly commented on the fate of the soldiers since their evacuation started on Tuesday [Sauer, 2022b].*

1.4 *Mykhailo Podolyak said negotiations on extracting the remaining troops were very difficult but ongoing [Pannet, 2022].*

1.5 *If confirmed, the full abandonment of the bunkers and tunnels of the bombed-out plant would signify the capture of the last Ukraine position in the coastal city [Sauer, 2022a].*

В первых трех примерах использованы однокоренные слова «evacuation – evacuate». Согласно толковым словарям, глагол «evacuate» имеет значение «to remove especially from a military zone or dangerous area; to withdraw from military occupation of [MWD]; to move people from a dangerous place to somewhere safe [CALD]», а производное существительное «evacuation» определяется как «the act of emptying a building or other place of people because it is not safe for them to stay

there» [OALD]. Таким образом, глагол «evacuate» подразумевает, что люди покидают какое-то небезопасное место, спасаются от оккупации.

Глагол «extract», использованный в примере 1.4, имеет толкование «to remove or take out something» [CALD], соответственно, описывая процесс, в ходе которого что-то откуда-то вынимают, вытаскивают. И существительное «abandonment» из примера 1.5 определено в Оксфордском словаре как «the act of leaving a person, thing or place with no intention of returning» [OALD], т.е. обозначает оставление места навсегда. Таким образом, все лексемы (extract, evacuate, abandonment) содержат в своем значении общую сему оставления, покидания какого-то места.

Как известно, в российской прессе выход последних 2000 украинских военных с «Азовстали» называли сдачей в плен, что соответствовало реалиям военного времени: остатки военных подразделений противника, которые держали оборону на объекте, сложили оружие и вышли из укрытий, т.е. сдались российской армии. Английский эквивалент русской фразе «сдаться в плен» – это английский глагол «surrender» (to stop fighting and admit defeat [CALD]; to yield to the power, control, or possession of another upon compulsion or demand; to give (oneself) up into the power of another especially as a prisoner [MWD]). Однако его употребление в англоязычной прессе для описания данной ситуации очень ограничено. Приведем примеры двух заголовков англоязычной прессы:

1.6 *Russia says 771 more Ukrainian troops 'surrender' at Mariupol steelworks*[Sauer, 2022б]

1.7 *Last Mariupol defenders have surrendered, Russia claims* [Kilner, 2022]

Как видим, глагол «surrender» употребляется только при цитировании российских источников. Оба заголовка представляют собой примеры косвенного цитирования. Ю.В. Газинская называет прием применения трансформированных, вырванных из контекста цитат в медиатекстах для донесения необходимой информации до аудитории квазицитированием [Газинская 2014: 100]. В первом примере в кавычки взято одно слово. Это можно рассматривать не только как цитирование, но и как то, что слово употребляется для обозначения чего-то, что оно на самом деле не обозначает. Так, квазицитирование в данном случае становится основой манипуляции: Россия считает выход военных сдачей в плен, но западная пресса утверждает, что это не так.

Во втором примере источник информации указан после цитаты. Цитата не помещена в кавычки, но по оформлению высказывания понятно, что приводится позиция России.

Таким образом, конструкт создается посредством отбора лексем с определенным значением. Употребляя слова «extract», «evacuate», «abandonment» вместо «surrender» авторы публикаций смещают акценты, представляя реальную сдачу в плен украинских военных как просто выход с территории завода. Такое изображение событий позволяет изобразить проигрыш в битве как уход с объекта с целью спасения жизни украинских солдат. Происходит подмена реального события его мифо-идеологической репрезентацией с искаженной оценкой – отрицательное событие (проиграли битву, отступили, сдались) становится нейтральным (ушли с завода) и даже частично положительным (спасли жизнь солдатам).

2) «Выход украинских военных с завода – результат давления на Россию»

2.1 There was an undeniable contradiction between upbeat Russian war propaganda and the reality that, in the end, Moscow had to negotiate a surrender for defenders that it had vowed to annihilate [The world, 2022].

2.2 One lesson of Mariupol is that the Russian president did, in the end, agree to evacuate both civilians and military personnel from the Azovstal plant, as he should have. He did so, however, only because armed Ukrainian resistance gave him no other choice [The world, 2022].

В первом примере использована антитеза, противопоставляющая российскую пропаганду (upbeat Russian war propaganda) и реальность (the reality). С помощью данной антитезы, во-первых, автор утверждает, что реальность полностью отличается от того, что рассказывают о войне в России, т.е. российские медиа врут, а западные источники информации говорят правду, а во-вторых, подчеркивает, что реальное положение дел в мире таково, что России не оставалось ничего иного, как пойти на уступки и выпустить украинских военных с завода. Вторая антитеза выстраивается в предложении с помощью конструкции с модальным глаголом «had to negotiate» и глагольного словосочетания с инфинитивом «had vowed to annihilate»: Россия официально провозглашала намерение уничтожить всех последних защитников завода «Азовсталь», но Россия не сдержала обещание и отказалась от своих планов под влиянием внешних факторов. Модальный глагол «have to» (is used to show that you must do smth [OALD]) имеет значение принуждения к действию со стороны: что-то необходимо сделать в силу обстоятельств. С помощью этого глагола авторы публикации демонстрируют читателю, что Россия не хотела выпускать остатки украинской армии с завода, но была вынуждена это сделать. Глагол «vow» имеет значение «to make a formal and serious promise to do something of a formal statement that it is true [OALD]» и использован для того, чтобы показать, что Россия официально заявляла, что не даст остаткам украинской армии уйти с завода живыми. Так, Россия представляется как слабая, теряющая свои позиции на мировой арене страна, и западной аудитории внушается, что мировое сообщество сможет надавить на Россию и остановить ее военную операцию на Украине.

Во втором примере выражена мысль о том, что президент России согласился эвакуировать мирных жителей и военных с «Азовстали», т.е. президент не сам принял решение, а согласился с предложением, которое ему сделали. Второе предложение примера поясняет, что заставило его согласиться на эвакуацию – военное сопротивление Украины. Оба предложения содержат усилительные конструкции: эмфатическое утверждение со вспомогательным глаголом (did agree) в первом предложении и эмфаза со словом «only» во втором. Таким образом, автор публикации делает акцент на том, что президент России не собирался идти на такой шаг, но Украина воюет успешно и военная обстановка, складывающаяся не в пользу российских войск, вынудила российского лидера согласиться на предложение Украины.

Итак, при реализации второго конструкта мы снова видим подмену реального состояния дел мифо-идеологической репрезентацией: не Россия с помощью эффективного ведения боевых действий не оставила выбора украинским военным на «Азовстали» кроме, как сдаться в плен, а успехи украинской армии на других фронтах и давление международного сообщества на российское руководство заставили российскую армию выпустить остатки украинских военных с территории завода. Созданный мифо-идеологический образ позволил изменить

оценку происходящего: украинская армия представлена не как слабая, проигравшая сторона, а как достойный борец, Россия изображена не как сильная и успешная, а как слабая, сдающая позиции и уступающая под напором мирового сообщества.

Мифо-идеологические репрезентации, создаваемые первым и вторым конструктами, скорее всего, используются политической элитой как средство воздействия на зарубежную аудиторию с целью убеждения их в успехах украинской армии, слабости России и необходимости предоставить Украине дальнейшую военную помощь.

3) «Украинские военные – герои»

3.1 *The world must not forget Mariupol's defenders [The world, 2022]*

3.2 *But the fate of fighters trapped in tunnels under the steel plant became a desperate symbol of Ukrainians' will to fight and die for their land, a key factor in Ukraine's military successes against Russia's larger, more powerful army [Pannet, 2022].*

3.3 *"Ukraine needs Ukrainian heroes alive," President Volodymyr Zelensky said in his nightly address [Pannet, 2022].*

3.4 *"Mariupol defenders are heroes of our time," Ukraine's military command said. "They are forever in history." [Pannet, 2022]*

Первый пример представляет собой заголовок газетной статьи. Заголовок представляет собой категорическое высказывание с модальным глаголом со значением долженствования (must not) и гиперболизацией важности того, что сделали украинские войска, защищавшие Мариуполь, до масштабов всего мира (the world), т.е. весь мир должен помнить, во всем мире ни в коем случае нельзя забывать. Украинские военные, сражавшиеся в Мариуполе, названы защитниками (defenders). Выбор такой номинации позволяет эффективно расставить акценты, сконцентрировав внимание читателя на том, что эти люди защищали город, оборонялись, а следовательно, не наносили ущерб жилому фонду, действовали от имени местного населения, не причиняли ему вреда. Таким образом, данный заголовок, в частности, транслирует мысль о том, что весь мир поддерживает Украину, внимательно следит за происходящим и одобряет действия украинских военных.

Второй пример акцентирует внимание англоязычной аудитории на том, что украинцы готовы защищать родную землю и умереть за нее, а примером этого служат военные, защищавшие Мариуполь и сражавшиеся до последнего в катакомбах «Азовстали». Лексема «symbol» усилена эпитетом «desperate» (giving little hope of success [OALD]), чтобы подчеркнуть, что украинцы сражаются из всех сил, имея при этом мало шансов на успех, но то, что они продолжают бороться в такой ситуации, еще усиливает их положительный образ и создает скрытый призыв им помочь и их поддержать, встать на сторону Украины и выступить против России.

Таким образом, первые два примера с помощью лексических средств создают мифо-идеологический образ украинского солдата-героя, сражающегося за свою землю, защищающего население и свой город.

В примерах 3.3 и 3.4 использована именно лексема «hero(es)», однако данное существительное является компонентом цитат украинского командования.

В российских медиа постоянно делался акцент на том, что на территории завода «Азовсталь» большей частью находились члены нацбатальона «Азов»,

который считается террористической группировкой и запрещен в РФ. Западные СМИ, наоборот, либо указывают, что на заводе были просто украинские военные, либо с помощью пояснений указывают, то «Азов» не является националистической и/или нацистской организацией.

3.6 Mr. Putin and his propaganda machine, of course, have branded them as Nazis and terrorists, based on the fact that some came from the Azov Regiment, which began as a far-right paramilitary organization in 2014 in the war against Russia but has since been reformed and absorbed into the regular Ukrainian army [The world, 2022].

3.7 The capture of Mariupol loomed large in the Kremlin's imagination for propaganda purposes too: as the home base of the Azov brigade, which at its 2014 inception, when the war in Donbas began, included far-right volunteers, some with neo-Nazi affiliations. (In recent years the brigade has been fully integrated into the Ukrainian military) [Sauer, 2022a].

3.8 The Azov regiment was formed in 2014 as a volunteer militia to fight Russia-backed forces in east Ukraine, and many of its original members had far-right extremist views. Since then, the unit has been integrated into the Ukrainian national guard and the regiment now denies being fascist, racist or neo-Nazi [Sauer, 2022b].

Пример 3.6 построен на антитезе. Подчеркивается, что только в нарративе российского руководства члены «Азова» являются террористами и нацистами. Глагол «brand» – to describe sb as being sth bad or unpleasant, especially unfairly [OALD] – помогает выразить мысль о ложности данного утверждения, т.е. западному читателю говорится, что Россия представляет их как террористов и нацистов, а на самом деле они таковыми не являются. Далее приводится пояснение, где автор указывает, что «Азов» был основан как крайне правое движение, но на настоящий момент претерпело значительные изменения и стало частью украинской армии, следовательно, никакими нацистами и националистами эти бойцы не являются.

Пример 3.7 дает схожую информацию о происхождении «Азова» и во вставной конструкции в скобках также делает акцент на том, что бойцы батальона сегодня являются частью регулярной армии. Поскольку украинская армия представляет государство, а государство Украина, в восприятии Запада, неонацистским или националистическим не является, данные бойцы нацистами быть не могут.

В примере 3.8 также сделан акцент на том, что только после своего основания батальон был праворадикальным и экстремистским, а сегодня таковым не является. В предложении уточняется, что сами представители батальона себя не считают ни нацистами, ни фашистами, ни расистами.

Итак, третий конструктор также создает и представляет западному читателю свою мифо-идеологическую реальность: военные, которые оставались на «Азовстали» это не неонацисты и террористы, которые силой удерживали в заложниках местное население, а части регулярной украинской армии, которые героически защищали свой город и отважно боролись против более сильного противника. Оценка вооруженных формирований, находящихся на заводе, заменена на полностью противоположную – с отрицательной на положительную.

4) «Разрушения и жертвы в Мариуполе – последствия действий российской армии»

4.1 The city has been subjected to weeks of punishing Russian shell fire, which has targeted health facilities, including the city's maternity hospitals. In March, hundreds of

people are believed to have been killed when the Donetsk regional drama theatre was bombed [Sauer, 2022a].

4.2 The Kremlin and its forces have bombed Ukraine indiscriminately and been accused of other atrocities [Hopkins, 2022].

4.3 The civilians of what is now a ruined city, tens of thousands of whom died during a ferocious and indiscriminate Russian bombardment, endured the worst of it, of course [The world, 2022].

Во всех примерах вина за разрушение инфраструктуры города и гибель местных жителей возложена на Россию. В первом примере это сделано при помощи атрибутива «Russian» перед словосочетанием «shell fire». Поскольку дальше идет придаточное определительное, получается, что именно обстрелы со стороны России вызвали разрушения. Следующее предложение примера является продолжением повествования и, следовательно, также косвенно сообщает зарубежному читателю, что театр был разбомблен Россией.

В примере 4.2 Кремль и вооруженные силы России напрямую обвиняются в бомбардировках и военных преступлениях. Безусловно, трудно представить военные действия без бомбардировок, однако в данном предложении глагол «bomb» усилен наречием «indiscriminately» (an indiscriminate action is done without thought about what the result may be, especially when it causes people to be harmed [OALD]), что создает впечатление, что Россия бомбила все подряд, не думая о местных жителях. Так, одно слово, добавленное в предложение, создает искаженную картину происходящего и эффективно усиливает отрицательную оценку действий российской армии.

В примере 4.3, кроме прилагательного «indiscriminate», существительное «bombardment» усилено еще эпитетом «ferocious» (very aggressive or violent, very strong [OALD]), которое акцентирует внимание на жестокости российской армии. В сообщении наблюдается манипуляция цифрами для оказания воздействия на читателя: использовано округленное числительное tens of thousands без какой-либо ссылки на источник. Соответственно, все предложение представляет собой искаженную, мифическую картинку реальности о жестоких бомбардировках российской армии, которые оставили от города руины и унесли жизни десятков тысяч человек. Такая мифо-идеологическая репрезентация гиперболизирует масштабы разрушений и количество погибших, однозначно возлагает вину за это на Россию и усиливает отрицательное отношение к ней у западной аудитории.

Итак, третий конструкт нацелен большей частью на усиление негативного образа России в глазах западной аудитории и, возможно, косвенно на поддержку англоязычным сообществом оказания военной помощи Украине как более слабой в этом конфликте.

Заключение

Рассмотрев все конструкты, мы можем реконструировать структурно-содержательное наполнение идеологемы «Окончание боев за Мариуполь». В западной прессе последовательно создан и внедрен в сознание англоязычной аудитории следующий мифо-идеологический образ событий: украинская армия героически сражалась за Мариуполь, защищая город и его жителей, однако город был сильно разрушен и очень много мирного населения погибло из-за бомбежек России; уступив натиску российской армии, последние защитники Мариуполя закрепились на заводе «Азовсталь» и боролись там до последнего; благодаря успехам украинской армии на других фронтах и дипломатическому давлению

мирового сообщества остатки украинских военных подразделений и мирных жителей были эвакуированы с завода. Таким образом, западный читатель получил положительный образ украинской армии и отрицательный образ России.

Итак, можно сделать общий вывод о том, что мифо-идеологическая репрезентация событий в информационном пространстве во время информационной войны основывается на системе идеологем, которые в свою очередь слагаются из конструктов. Конструкты представляют собой краткие оценочные суждения, которые читатель выделяет в процессе обработки информации, поступающей из информационного поля. Конструкты закладываются в тексте лингвистическими средствами, обладающими определенной оценочностью. Конструкты в итоге складываются в некую когнитивную схему, которая создает цельный, правильный с точки зрения конкретной идеологии, образ события.

Литература

Володина М.Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2011. С. 6–19.

Газинская Ю.В. Конструирование политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины: дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2014. 199 с.

Каменева В.А. Лингвокогнитивные средства выражения идеологической природы публицистического дискурса (на материале американской прессы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2007. 43 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. №4. С. 54–58.

Коцюбинская Л.В. Информационная война: методологические принципы лингвистического исследования // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 53–59. DOI: 10.26170/pl20-04-06

Кузина О.А. Идеологема как ключевая категория медиадискурса в период информационной войны (на примере освещения в англоязычной прессе событий на Украине в 2013–2014 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 110–115.

Кузина О.А. События в Керченском проливе в текстах СМИ как идеологема // Ломоносовские чтения: Материалы ежегодной научной конференции МГУ (3–5 апреля 2019 года, г. Севастополь). 2019. С. 154–157.

Кучумов Д.О. Семантический анализ информационной войны в политике (на примере осетино-ингушского конфликта): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2007. 27 с.

Панарин И.Н. Информационная война и власть. М.: Мир безопасности, 2001. 223 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук К.: Ваклер, 2000. 576 с.

Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, МПСИ, 2003. 301 с.

Сковородников А.П. Лингвистика информационно-психологической войны : монография / отв. ред. проф. А.П. Сковородников. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Щекотихин В.М. Информационная война. Информационное противоборство: теория и практика: монография / под общ. ред. В.М. Щекотихина. М.: Академия ФСО России, ЦАТУ, 2010. 999 с.

CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 01.06.2022).

Hopkins V., MacFarquhar N., Nечepurenko I. Russia Uses Surrender in Mariupol to Portray Ukrainians as Terrorists // The New York Times. 18.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/18/world/europe/russia-ukraine-captives.html> (дата обращения: 01.06.2022).

Kilner J. Last Mariupol Defenders Have Surrendered, Russia Claims // The Daily Telegraph. 20.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/05/20/azovstal-steelworks-mariupol-images-capture-soldiers-final-moments-inside/> (дата обращения: 01.06.2022).

Libicki M.C. What is Information Warfare? Washington: National defense univ., 1995. [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a367662.pdf>. (дата обращения: 01.06.2022).

MWD – Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 01.06.2022).

OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 01.06.2022).

Pannet R., Thebault R., Dixon R. Ukraine Ends Bloody Battle for Mariupol; Azovstal Fighters Evacuated // The Washington Post. 17.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/17/azovstal-mariupol-fighters-ukraine-steelworks/> (дата обращения: 01.06.2022).

Rona T.P. Weapon Systems and Information War. Seattle, WA, 1976 : Boeing Aerospace Co. [Электронный ресурс]. URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systemsand-Information-War.pdf. (дата обращения: 01.06.2022).

Sauer P., Beaumont P. Russian Army Takes Control of Mariupol’s Azovstal Steel Plant // The Guardian. 20.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/20/russian-army-takes-control-of-mariupols-azovstal-steel-plant> (дата обращения: 01.06.2022).

Sauer P. Russia Says 771 More Ukrainian Troops ‘Surrender’ at Mariupol Steelworks // The Guardian. 19.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/19/russia-says-771-more-ukrainian-troops-surrendered-at-mariupol-steelworks> (дата обращения: 01.06.2022).

Szafranski R. Theory of Information Warfare: Preparing For 2020. Washington, 1995. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17602-col-richard-szafranski-theory-information> (дата обращения: 01.06.2022).

The World Must not Forget Mariupol’s Defenders // The Washington Post. 18.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/05/18/world-must-not-forget-mariupols-defenders/> (дата обращения: 01.06.2022).

References

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 01.06.2022).

Gazinskaja Ju.V. Konstruirovanie politicheskoy real'nosti v russkojazychnom mediadiskurse Ukrainy: dis. ... kand. filol. nauk. [Constructing Political Reality in the Russian-Language Media Discourse of Ukraine: PhD Thesis]. Chita, 2014. 199 p.

Hopkins V., MacFarquhar N., Nechepurenko I. Russia Uses Surrender in Mariupol to Portray Ukrainians as Terrorists // *The New York Times*. 18.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/18/world/europe/russia-ukraine-captives.html> (date of access: 01.06.2022).

Kameneva V.A. Lingvokognitivnye sredstva vyrazhenija ideologicheskoy prirody publicisticheskogo diskursa (na materiale amerikanskoj pressy): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. [Linguo-cognitive Means of Expressing Ideological Nature of Publicistic Discourse (a Case-Study of American Press): Extended Abstract of PhD Thesis]. Kemerovo, 2007. 43 p.

Kara-Murza S.G. Manipuljacija soznaniem [Manipulating the Consciousness]. M.: Jeksmo, 2005. 832 p.

Kilner J. Last Mariupol Defenders Have Surrendered, Russia Claims // *The Daily Telegraph*. 20.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2022/05/20/azovstal-steelworks-mariupol-images-capture-soldiers-final-moments-inside/> (date of access: 01.06.2022).

Klushina N.I. Teorija ideologem [Theory of Ideologemes] // *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. 2014. №4. Pp. 54–58.

Kocjubinskaja L.V. Informacionnaja vojna: metodologicheskie principy lingvisticheskogo issledovanija [Information Warfare; Methodology of its Linguistic Study] // *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. 2020. № 4 (82). Pp. 53–59. DOI: 10.26170/pl20-04-06

Kuchumov D.O. Semanticheskij analiz informacionnoj vojny v politike (na primere osetino-ingushskogo konflikta): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk.). [Semantic Analysis of the Information Warfare in Politics (a Case-Study of Ossetia-Ingush Conflict); Extended Abstract of PhD Thesis]. Rostov n/D, 2007. 27 p.

Kuzina O.A. Ideologema kak kljuhevaja kategorija mediadiskursa v period informacionnoj vojny (na primere osveshhenija v anglojazychnoj presse sobytij na Ukraine v 2013–2014 gg.) [Ideologeme as a Key Category of Media Discourse in the Period of Information Warfare (a Case-Study of Depicting Ukrainian Events of 2013–2014 in the English Press)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2018. № 8 (86). Ch. 1. Pp. 110–115.

Kuzina O.A. Sobytaja v Kerchenskom prolive v tekstah SMI kak ideologema [Events in the Kerch Strait in Mass Media as an Ideologeme] // *Lomonosovskie chteniya: Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii MGU (3–5 aprelja 2019 goda, g. Sevastopol')* [Lomonosov Readings; Materials of the Annual Scientific Conference of MSU (3–5 April 2019, Sevastopol)]. 2019. Pp. 154–157.

Libicki M.C. What is Information Warfare? Washington: National defense univ., 1995. [Electronic resource]. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a367662.pdf> (date of access: 01.06.2022).

MWD – Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of access: 01.06.2022).

OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary online [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 01.06.2022).

Panarin I.N. Informacionnaja vojna i vlast'. [Information Warfare and Power]. M.: Mir bezopasnosti, 2001. 223 p.

Pannet R., Thebault R., Dixon R. Ukraine Ends Bloody Battle for Mariupol; Azovstal Fighters Evacuated // The Washington Post. 17.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/05/17/azovstal-mariupol-fighters-ukraine-steelworks/> (date of access: 01.06.2022).

Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. [Information Wars] M.: Refl-buk K.: Vakler, 2000. 576 p.

Rastorguev S.P. Filosofija informacionnoj vojny. [Philosophy of Information Warfare]. M.: Vuzovskaja kniga, MPSI, 2003. 301 p.

Rona T.P. Weapon Systems and Information War. Seattle, WA, 1976: Boeing Aerospace Co. [Electronic resource]. URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systemsand-Information-War.pdf. (date of access: 01.06.2022).

Shhekotihin V.M. Informacionnaja vojna. Informacionnoe protivoborstvo: teorija i praktika: monografija [information Warfare: Theory and Practice: monograph]. / pod obshh. red. V.M. Shhekotihina. M.: Akademija FSO Rossii, CATU, 2010. 999 p.

Skovorodnikov A.P. Lingvistika informacionno-psihologicheskoj vojny : monografija [Linguistics of the Information-Psychological War: Monograph]. / otv. red. prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnojarsk : Sib. feder. un-t, 2017. 340 p.

Volodina M.N. Jazyk SMI i informacionno-jazykovaja jekologija obshhestva [Media Language and the Language Ecology of the Society] // Jazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke [Language and Discourse of Mass Media in 21st Century] / pod red. M.N. Volodinoj. M.: Akademicheskij Proekt, 2011. Pp. 6–19.

Sauer P., Beaumont P. Russian Army Takes Control of Mariupol’s Azovstal Steel Plant // The Guardian. 20.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/20/russian-army-takes-control-of-mariupols-azovstal-steel-plant> (date of access: 01.06.2022).

Sauer P. Russia Says 771 More Ukrainian Troops ‘Surrender’ at Mariupol Steelworks // The Guardian. 19.05.2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/19/russia-says-771-more-ukrainian-troops-surrendered-at-mariupol-steelworks> (date of access: 01.06.2022).

Szafranski R. Theory of Information Warfare: Preparing For 2020. Washington, 1995. [Electronic resource]. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/17602-col-richard-szafranski-theory-information> (date of access: 01.06.2022).

The World Must not Forget Mariupol’s Defenders // The Washington Post. 18.05.2022. [Electronic resource] URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/05/18/world-must-not-forget-mariupols-defenders/> (date of access: 01.06.2022).

Сведения об авторе:

Кузина Ольга Андреевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат филологических наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: mojpisma@yandex.ru

Kuzina Olga Andreevna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University Sevastopol Branch, Candidate of Philology (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Кузина О.А. Мифо-идеологическая репрезентация событий в прессе во время информационной войны // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 188–201.

For citation:

Kuzina O.A. Mytho-ideological Representation of Events in the Press During the Information War // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 188–201.